

Крымов Андрей Владимирович

ЕВРОПЕЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ XIX ВЕКА ГЛАЗАМИ РУССКОГО КОНСЕРВАТОРА

Статья посвящена исследованию политико-правовых взглядов русского мыслителя К. Ф. Головина (1843-1913), принадлежавшего к лагерю консерваторов. Его работы, содержащие ценные наблюдения за политическими процессами, протекавшими в европейских странах в XIX веке, а также размышления о русском самобытном государственном развитии, оказались почти забыты сегодня.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 108-111. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**PENALTY DECREASE AS CONTRACTUAL FREEDOM PRINCIPLE RESTRAINT
AT THE STAGE OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS**

Anna Andreevna Koreshkova
Department of Legal Disciplines
Baikal State University of Economics and Law
amiga1409@mail.ru

The author studies the possibility of penalty decrease by court according to article 333 of the RF Civil Code from the perspective of contractual freedom principle action in civil law, compares current civil law provisions on this subject with the provisions of draft amendments to the RF Civil Code, and analyzes court practice on the problematic points of the application of article 333 of the RF Civil Code.

Key words and phrases: principle of law; contractual freedom; contractual freedom principle restraint; penalty decrease.

УДК 32

Статья посвящена исследованию политико-правовых взглядов русского мыслителя К. Ф. Головина (1843-1913), принадлежавшего к лагерю консерваторов. Его работы, содержащие ценные наблюдения за политическими процессами, протекавшими в европейских странах в XIX веке, а также размышления о русском самобытном государственном развитии, оказались почти забыты сегодня.

Ключевые слова и фразы: русский консерватизм; либерализм и парламентаризм; самобытность государственного развития; революции и их последствия.

Андрей Владимирович Крымов, к.ю.н.
Кафедра теории и истории государства и права
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
jetromartina@mail.ru

**ЕВРОПЕЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И ПАРЛАМЕНТАРИЗМ XIX ВЕКА
ГЛАЗАМИ РУССКОГО КОНСЕРВАТОРА[©]**

Константин Фёдорович Головин (1843-1913) – один из не столь известных теперь деятелей русского консерватизма, во второй половине XIX – начале XX в. принимавший активное участие в политической и литературной жизни страны. В числе его предков был представитель младшей ветви знаменитого византийского рода Комнинов, некогда переехавший на постоянное жительство в Москву [4, с. 149]. Сам Константин Фёдорович родился в Петербурге, получил юридическое образование в Санкт-Петербургском университете и до 1881 года состоял на государственной службе, с которой вынужден был уйти по состоянию здоровья. Во время службы К. Ф. Головин занимался и собственно юридическими вопросами, но также успел поработать первым секретарём посольства в Вене, а с 1877 года трудился в Министерстве государственных имуществ. Исполняя свои обязанности, Константин Фёдорович хорошо изучил и крестьянский вопрос – один из наиболее проблемных в Российской империи. Хорошо знакомый с насущными государственными потребностями, потерявший из-за болезни зрение, К. Ф. Головин сосредоточился на литературно-публицистической деятельности, в которой весьма преуспел. Он был автором романов, востребованных российской читающей публикой, а также переведённых на другие языки. Полное собрание сочинений К. Ф. Головина появилось в 1902-1903 гг. и включало 12 томов. В российских право-монархических кругах своими статьями, книгами и публичными выступлениями на актуальные темы К. Ф. Головин снискал заслуженную популярность и авторитет вдумчивого и компетентного в государственных делах охранителя. Наиболее известными его работами соответствующей тематики были «Наше местное управление и местное представительство» (1884), «Крупное землевладение в Западной Европе и в России» (1887), «Сельская община в литературе и в действительности» (1887), «Наши финансовая политика и задачи будущего» (1899), «Вне партий: опыт политической психологии» (1905), а также два тома воспоминаний.

К. Ф. Головин, рассматривая изменения в государственной жизни четырёх стран, традиционно представляемых в качестве наиболее прогрессивных, – Франции, Германии, Великобритании, США, задавался вопросом о том, почему либерализм и стремление к парламентскому правлению, характерные для этих государств, привели к большим жертвам и военной катастрофе 1870-1871 гг. исключительно Франции.

Демократическое правление, базирующееся лишь на мысли о том, что судьба государства и реализация человеческой свободы полностью зависят от мнения, выраженного большинством населения, К. Ф. Головин считал химерой и удивлялся тому, как это ложное представление, разделяемое в его время только журналистами

и парламентскими демагогами и не основанное на наблюдении за реальными процессами, протекающими в государственно-правовой сфере, представление, полностью дискредитированное в политической науке, по-прежнему встречает поддержку среди основной массы европейцев.

Ответы на свои вопросы русский публицист искал, анализируя особенности экономического развития и социальной структуры отдельных европейских стран. При этом более всего его интересовали взаимоотношения земельной аристократии и сравнительно недавно появившейся на исторической сцене торговой и промышленной буржуазии.

Причина утраты аристократией своего авторитета во Франции заключалась, с точки зрения К. Ф. Головина, в том, что в обществе изменилось распределение богатства. Великие географические открытия привели к интенсификации торговли, что, в свою очередь, требовало увеличения производившейся продукции. Технические открытия способствовали появлению крупных промышленных предприятий, в которых ручной труд заменялся машинным. Городское сословие постепенно превращалось в буржуазию, в руках которой сосредоточивалось богатство. Земельная собственность, ранее представлявшая собой основу благосостояния французской аристократии, в новых условиях утратила своё значение. Сохранение за обедневшей аристократией привилегий, в том числе в политической сфере, стало вызывать острое недовольство в обществе. В Голландии и Италии, как утверждал К. Ф. Головин, резкого противостояния дворянства и среднего сословия не наблюдалось вследствие того, что аристократия этих стран в большей степени оказалась связана с городом и торговлей, чем с земледелием, поэтому произошедшие экономические изменения почти не подорвали финансового благополучия местного дворянства. Во Франции длительное время искусственно сохранялась ситуация, находившаяся в прямом противоречии с изменившимся соотношением сил в обществе. Аристократия не имела возможностей исполнять свои прежние социальные функции, а укрепившаяся буржуазия, стремившаяся к реализации этих функций, лишалась этой возможности: «Немудрено, что это ненормальное разьединение между действительной общественной силой и её внешними признаками натолкнуло общественную мысль на изыскание причин такой неправильности и привело к учению о рациональном общественном устройстве, основанном не на историческом развитии, а на логике и справедливости» [1, с. 12]. Такое учение К. Ф. Головин и определял как «либерализм», весь пафос которого проистекает из уверенности в изначальном равенстве всех людей, их прирождённой свободе, а также предприимчивости.

Безграничное утверждение индивидуального начала способно привести и к анархии, и к полному подчинению воли отдельного человека власти большинства, которое само легко подпадает под контроль одного человека. Демократии свойственно появление людей, присваивающих себе право улавливать, представлять и выражать волю основной массы населения. Заканчивается это тем, что новые лидеры несколько не соотносят собственные действия с волей большинства, которое они якобы представляют. Французская революция, по мнению К. Ф. Головина, явилась хорошей иллюстрацией всех этих переходов. Благодаря либерализму человек выводился из-под власти прежних исторически возникших социальных организаций – сословий, цехов, церкви, что должно было способствовать полному освобождению и раскрытию интеллектуальных способностей, в одинаковой мере присущих всем. В эпоху Просвещения вера в Бога была заменена верой в безграничные возможности человеческого разума и в достижимость общественного блага, желать которого только и остаётся людям, освободившимся ото всех исторических предрассудков. Самое важное, по мнению теоретиков эпохи Просвещения, заключалось в отсутствии каких-либо разногласий по поводу того, в чём состоит общественное благо. Действительно свободные умы понимают его совершенно одинаково, споры возможны лишь с людьми неразвитыми, упорствующими в приверженности прежним понятиям и отжившим идеологическим схемам. В любом случае большинство не может заблуждаться и всегда умнее меньшинства. Благодаря такой интеллектуальной установке не ограниченная в теории человеческая свобода на практике оказалась подавлена жестокой диктатурой, но, как подметил К. Ф. Головин, в состоянии опьянённости выдуманной свободой на реальность деспотии никто не обращал внимания, и даже массовые казни не вызвали ужаса и отвращения к их породившим идеям.

Русский публицист недоумевал, как в XIX веке в Европе и в России могли находиться люди, по-видимому, искренне считавшие Французскую революцию великим событием в истории человечества. Возможно, именно неусвоенный урок тотального террора привёл к повторению событий в условиях XX века, к практике фашистского, нацистского и советского политических режимов. К. Ф. Головин отмечал тот факт, что смертные приговоры выносились, а массовые казни совершались в революционной Франции «в административном порядке» или в соответствии с тремя декретами Конвента, но в любом случае в прямом противоречии с нормами материального права и законодательно регламентированной процедурой привлечения к юридической ответственности. Сталинский террор характеризовался тем же. Стремление к достижению общественного блага привело к отрицанию гарантий личной безопасности, неприкосновенности частной собственности, к отказу от права, правопорядка и нравственных ценностей во имя теоретических идеалов свободы, равенства и братства. Таким образом, именно «освободительное движение» ставит под сомнение те принципы, для воплощения которых оно развёртывалось. Причину несчастий и кровопролития, сопровождавших революцию во Франции, отечественный публицист определил в смещении формального понимания свободы, основанного на торжестве выборного начала и отсутствии организованной регулирующей власти, и свободы по существу, которую можно обеспечить, только реально гарантировав личную безопасность [Там же, с. 21].

Рассуждая о Французской революции, К. Ф. Головин указывал на то, что большинство – этот идол демократии – всегда образуется «злополучными средними людьми», поэтому и Франция в своём революционном ослеплении отказалась от элитарности в пользу эгалитарности: «И он твёрдо верил, этот средний человек, что стал вполне свободным, и почти радовался, сознавая, что он как будто немножко поднялся над прежним уровнем вследствие того, что переказнили всё выдающееся, в том числе лучшего поэта Франции и первого её учёного» [Там же, с. 18]. Этот пассаж и по содержанию, и по настроению совпадает с размышлениями другого русского консерватора – К. Н. Леонтьева (1831-1891), который написал статью под красноречивым названием «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения».

Для прояснения позиции К. Ф. Головина интересным представляется проведённый им анализ истории Англии и Германии, из результатов которого становится понятным, почему развитие тех же самых по содержанию либеральных идей не привело в этих странах к последствиям, подобным французским.

Давая беглый очерк истории Англии, К. Ф. Головин полагал, что причина спокойного существования этой страны в XIX столетии (даже в условиях проведения демократических реформ) кроется в прочном союзе промышленного и землевладельческого классов, при господствующем положении последнего. Истоки этого союза публицист видел в том, что суд в Англии остался королевским, и при формировании войска у монарха не было необходимости обращаться за содействием к феодалам: «Отсутствие сословных привилегий, объединяющая власть короля, исчезновение крепостного права, равенство в платеже налога устранили всякий повод к вражде между отдельными классами» [Там же, с. 25]. В связи с этим любое посягательство короля на права и свободы подданных вызывало общий протест со стороны последних. В XIX веке, как подчёркивал К. Ф. Головин, борьба между либералами и консерваторами в английском парламенте совершалась не для отмены либо защиты каких-либо сословных привилегий, но для отстаивания доктринальных различий, не всегда даже очевидных для европейских соседей англичан. Многие из либералов входили в состав Палаты лордов, а значительная часть консерваторов осознавала потребность в проведении демократических реформ для сохранения сложившегося *status quo*.

В Германии, фактически представлявшей собой до 1868-70 гг. множество разных государств, лишь формально объединённых властью императора, крепостное право (в противоположность Англии) сохранялось очень долго, что, по мнению К. Ф. Головина, объяснялось неразвитостью промышленного класса, сконцентрированного в немногих имперских городах, и слабостью центральной власти, вынужденной искать поддержки дворянства для повышения своего значения. Таким образом, немецкая земельная аристократия очень долго соединяла свои сословные преимущества с материальным благосостоянием.

Полагая, что удачнее всего демократические идеи претворялись в жизнь на почве североамериканского континента (создание государственного аппарата и общества происходило в США в значительной мере «с нуля», вне влияния традиций и «предрассудков» прежних эпох), К. Ф. Головин считал понимание свободы как возможности поступать по собственной воле до тех пор, пока такими действиями не ограничивается либо не исключается полностью возможность подобного же поведения других лиц, характерным для американцев. В свою очередь, это определение свободы предполагает общую диспозитивную направленность правовых предписаний, адресованных людям, не обладающим властными полномочиями, а также принятие управленческих решений в атмосфере спокойного обсуждения вариантов и поиска компромисса.

В то же время в США, «стране без прошлого», где демократия утверждалась сама собой, не встречая серьёзного сопротивления со стороны консервативных кругов, богатство постепенно приводило к формированию особой группы людей – аристократии нового типа, как это виделось К. Ф. Головину. Отличительной чертой этой новой элиты, которая, по мысли русского публициста, уже начала открыто проявляться в действительности, было отсутствие каких-либо, в том числе нравственных, принципов: представители новой американской финансовой «аристократии» свободно могли купить прессу, суд, полицию, парламент. Автор «Вне партий» пророчествовал о том, что различия между либералами и консерваторами Европы быстро утратят всякое значение перед лицом этих американских олигархов с их новыми методами влияния на государственную власть.

Англичане, голландцы и американцы ранее 1789 года провели государственные преобразования на основе демократических принципов, и французы, подчёркивал К. Ф. Головин, не совершили в этой области великих открытий, а напротив, отказавшись от собственного исторического опыта, стремились реализовать на практике отвлечённые идеи, уничтожая всех, кто указывал на нежизнеспособность преобразовательной программы. Автор «Вне партий» повторил известный к тому времени охранительный принцип: социально-политические реформы должны совершаться с учётом потребностей и особенностей исторического развития конкретного народа.

Отвечая на главный вопрос своего исследования о пользе и перспективах либерализма и парламентаризма, К. Ф. Головин отмечал тот факт, что к наилучшим результатам соответствующее правление привело только Англию. В этой стране две основные на тот момент партии приобретали своих сторонников не по сословному принципу, но по убеждениям, которые в то же время не имели ничего общего с отвлечёнными революционными доктринами: консерваторы становились популярны, когда общество уставало от реформ, а либералы – когда необходимость преобразований становилась очевидной многим. Главное достоинство политической системы Великобритании заключалось, по мнению К. Ф. Головина, в открытости обеих партий для выдающихся представителей практически всех слоёв населения: среди консерваторов было много деятелей предпринимательского сообщества, а либералы имели в своих рядах членов высшего общества –

настоящую британскую родовую аристократию. Готовность пойти на компромисс ради государственных интересов, умеренность как основная политическая добродетель – черты, характерные для парламентских деятелей Великобритании, спасшие эту страну от революции в XIX веке даже в условиях не менее острых, чем на континенте, социальных противоречий.

Кроме того, английский парламентаризм формировался столетиями. За это время случались и кризисы, но общее направление оставалось прежним. Развитие в целом совершалось органично, с учётом уже сложившихся традиций и признаваемых большинством ценностей. Форма правления в своих основных чертах, устраивающих обе партии, сложилась достаточно рано. Таким образом, и либералы, и консерваторы спорили о частностях, оставаясь верными общей модели организации власти. Немаловажную роль играла и присущая британскому обществу политическая культура высокого уровня, не допускавшая возможности посягательства государственной власти на достаточно широкую сферу прав личности. К. Ф. Головин подчёркивал, что декреты, лишающие часть подданных личных и политических прав, в Великобритании невозможны, и политическое соперничество уже давно не предполагало подобных методы борьбы с инакомыслящими.

Русские консерваторы в самом начале двадцатого столетия сумели сформулировать такие предостережения для своих современников и потомков, что, оказавшись они услышаны, Россия не «проиграла бы двадцатый век». Такой прозорливостью отличался и К. Ф. Головин, сумевший до установления тоталитарных режимов в Италии, Германии и России указать на ошибочность понимания парламентаризма в континентальной Европе и опасности с этим связанные. Насилие может легко облекаться в законодательные формы, превращаясь в легализованный самим обществом государственный террор: «Большинство, образовавшееся в законодательном собрании и нашедшее себе верных исполнителей в послушных министрах и в пристрастной магистратуре, может позволять себе, что угодно, быть даже деспотичнее самого крутого азиатского деспота, потому что на его решения апеллировать некуда» [Там же, с. 239]. Границы законодательной власти может положить только «народная совесть», а она развивается веками – это и есть предостережение К. Ф. Головина, не воспринятое политической элитой Российской империи и Временным правительством.

Перед самой катастрофой Первой мировой войны, когда отечественная форма правления стала наконец предметом собственно юридических исследований вне связи с европейским конституционализмом, молодой учёный Н. А. Захаров (1883 – после 1928 г.) писал: «План государственного строения должен быть суммой народных представлений о своём государственном устройстве, а не плодом отвлечённого мышления» [2, с. 112]. В политико-правовой сфере чрезвычайно опасны рассчитанные на собственное отечество проекты, подготовленные кабинетными учёными, занимавшимися лишь исследованием государственности других народов. Наилучшие в теории модели государства при отсутствии необходимых социально-экономических и духовных факторов, выработанных обществом в процессе многовековой эволюции и вследствие этого способных оказать сдерживающее воздействие, если что-то пойдёт не по плану, превращаются на практике в уродливые и бесчеловечные политические режимы. Современные учёные, занимающиеся изучением феномена русского консерватизма, уже в условиях наступившего XXI века по-новому выражают ту же идею о необходимости внимательного отношения к духу и истории собственной страны: «...юриспруденция не должна быть автономна в своих теоретических построениях ни от исторической судьбы нации, ни от вероисповедных форм её сознания. В противном случае беспочвенность права будет только ослаблять и нацию, и союзы, ею создаваемые» [3, с. IV].

К сожалению, полная реализма мысль отечественного консерватизма о необходимости учёта собственного исторического опыта и особенностей народного сознания при проведении полномасштабных реформ оказалась забыта в XX веке и дважды стоила России крушения её государственности.

Список литературы

1. Головин К. Ф. Вне партий: опыт политической психологии. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1905. 319 с.
2. Захаров Н. А. Система русской государственной власти. Новочеркасск: Электротипография Ф. Туникова, 1912. 325 с.
3. Смолин М. Б. Вступительная статья // Философия русской государственности / А. М. Величко. СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2001. 336 с.
4. Чёрная сотня: историческая энциклопедия 1900-1917 / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Крафт+; Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.

EUROPEAN LIBERALISM AND PARLIAMENTARISM OF THE XIXTH CENTURY AS VIEWED BY A RUSSIAN CONSERVATIVE

Andrei Vladimirovich Krymov, Ph. D. in Law
Department of State and Law Theory and History
Nizhnii Novgorod State University named after N. I. Lobachevskii
jetromartina@mail.ru

The author studies the political-legal views of the Russian thinker K. F. Golovin (1843-1913), who belonged to conservatives, and shows that his works that contain valuable observations of the political processes, which took place in European countries in the XIXth century, as well as the considerations on Russian distinctive state development, are almost forgotten today.

Key words and phrases: Russian conservatism; liberalism and parliamentarianism; state development distinctiveness; revolutions and their consequences.